

У И Т А Л Ь Н Я
С О В Е Т С К О Й Ш К О Л Ы

И. ВЕНКСТЕРН

919 (пр)
В. 293. НГ.

ГИБЕЛЬ ЖАНИТТЫ

РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ:

1 9 2 8

3/12/28

Д. 4. 3054.

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

№ 4—5

ВТОРОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4—5

Пров. 1889

Н. ВЕНКСТЕРН

B-293

ГИБЕЛЬ ЖАНЕТТЫ

Рисунки и обложка
М. ШЕРВИНСКОЙ

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»
МОСКВА — 1928

919 (пр)
B. 99.

~~21425~~

1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ И ЮНГ
ДЕТТИЗА~~

Российская государственная
детская библиотека

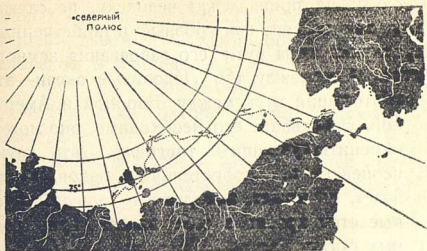
672930 Kx-reg

Печ. 10000—4 л.

Зах. 4250

На север! На север! Туда, в неисследованную область, туда, в этот мир опасностей и тайн, к тяжким страданиям, к смертельным мукам... но все же туда, где непобежденная природа скрывает от человека целый мир под непроницаемой завесой. На карте северного полушария белое пятно,—здесь кончается жизнь, здесь начинается неизвестное.

А человек не терпит неизвестности, шаг за шагом он вырывает у природы ее тайны ценой тягчайших жертв и величайшего героизма. Полярные страны, полюс, Ледовитый

океан не принадлежат человеку, не служат ему: они стоят как грозный и таинственный противник на пути его завоевания земного шара. А между тем Ледовитый океан—это кратчайший путь между Европой и Америкой. Завоевание его необходимо, оно может изменить, улучшить торговлю, дать науке неоцененные приобретения, и, наконец, кто знает, быть может, полярные неисследованные страны хранят в себе залежи природных богатств: золота, нефти, угля? Человек, как говорит один из известнейших исследователей севера—Нансен, хочет знать землю, на которой он живет, во всем ее объеме.

В течение пяти веков, несмотря на бесчисленные жертвы, не прекращается „борьба за полюс“. Ценой собственной жизни, ценой лишений и страданий человек неуклонно стремится к поставленной цели. Гибнут корабли, затертые льдами, умирают в ледяных полях неустрашимые исследователи, но белое пятно на карте северного полушария становится все меньше и меньше, и новые острова появляются на ней, свидетельствуя о неустрашимости и могуществе человеческого гения. Имена этих отважных, упорных, самоотвер-

женных мореплавателей останутся навсегда лучшей славой в истории борьбы между человеком и природой.

— Ну, как, доктор, каково состояние команды?

— Команда бодра и здорова, пища прекрасная. Нам еще надолго хватит и сил и провианта.

— Значит, вы не отчаиваетесь?

Маленький доктор взглянул на капитана с полнейшим доверием и спокойствием.

— Нет, с таким руководителем, как вы, я считаю отчаяние преждевременным.

— А вы что думаете, Норос?

Капитан обернулся к матросу, молодому высокому парню, который стоял в дверях каюты, прислушиваясь к разговору.

— Я рассчитываю, капитан, что если предыдущее лето было несчастливо для нас, то, по всей вероятности, следующее будет удачнее. Так всегда бывает; когда-нибудь и для нашей „Жанетты“ наступит праздничек, и она выберется на свободу из своей тюрьмы.

Было на бриге „Жанетта“ несколько человек, от которых капитан Делонг никогда

не скрывал своих тревог и опасений. Это были: маленький живой и решительный доктор Амблер, никогда не терявший ни хладнокровия, ни прекрасного расположения духа; старший инженер экспедиции Мельвиль, спокойный, хладнокровный, молчаливый человек, с несколько жестким характером и железной волей, и два матроса — Норос и Нидерманн, — Нор и Нид, как их называли товарищи, два неразлучных друга, живущие как братья, всегда во всем согласные и, казалось, лишенные оба чувства страха. Между Нором и Нидом была большая разница в годах. Норосу было 24 года, Нидерманну — 35, но оба своими непоколебимыми характерами внушали Делонгу одинаковое доверие.

— Значит, терпение и мужество — вот, что вы советуете, Норос?

— Самые лучшие советчики, капитан.

Прошло уже два года с тех пор, как бриг „Жанетта“ покинул Сан-Франциско. День отплытия, день торжества, пожеланий, день самых радужных надежд казался теперь для команды далеким прекрасным сном. Экспедиция „Жанетты“ рассчитывала еще в первое лето своего плаванья достичь континента,

который по предположениям и по преданиям береговых жителей лежал на северо-запад от Берингова пролива. Там, на земле, снабженная на три года провиантом и теплой одеждой, экспедиция должна была перезимовать с тем, чтобы следующим летом или отправиться дальше к северу, или, если запасы истощатся и дальнейшее плавание окажется опасным, вернуться обратно на юг. Продвижение на север должно было продолжаться до середины июля или, в крайнем случае, если погода окажется благоприятной, до середины августа. Затем, если земля не покажется в виду, капитан Делонг из предосторожности намеревался вернуться на юг. Однако ужасная действительность превосходила все опасения капитана. „Жанетта“, казавшаяся такой могучей, нарядной и бодрой, „Жанетта“, так легко переносившая невзгоды океанского плавания, оказалась бессилой в борьбе с ледяными гигантами. Уже через два месяца после своего отплытия из Сан-Франциско она была затерта льдами. Среди ледяных полей плавание корабля представляет из себя ежеминутную опасность. Судно с трудом пробивает себе дорогу среди

ледяных глыб. Погода не благоприятствовала экспедиции—все время сильный ветер с юга гнал „Жанетту“ на север; рано наступившие морозы затягивали льдом открытые водные пространства, корабль промерзал со всех сторон и прилипал ко льду, как-будто был смазан клеем. К осени он был окончательно взят в плен.

Теперь все надежды экипажа были обращены на приближающееся лето: от наступающего тепла ждали освобождения; благоприятный северный ветер мог тоже оказать немалую услугу. Оставалось только ждать и надеяться.

Вечером в кают-компании собралась вся команда. Работы на „Жанетте“ для матросов почти не было никакой. Она беспомощно неслась в своей ледяной колыбели туда, куда ее гнали ветер и течение. На стене каюты капитан вывесил такое объявление: „Здесь просят ни о чем печальном не разговаривать“, и участники экспедиции строго следовали этому правилу. Их было тридцать три человека; за год испытаний, тревог и надежд они сжились между собой и теперь представляли из себя крепко спаянную дружную

семью. Более твердые и выносливые всячески поддерживали тех из своих товарищей, кто выказывал печаль, утомление или чье здоровье пошатнулось в условиях жестокого полярного климата. Сюда, в кают-компанию, приходили с веселыми лицами, с шутками и песнями. Всеобщий любимец, молодой, красивый, веселый матрос Эриксен, обладал прекрасным голосом. До сих пор, несмотря на всю опасность положения, он еще ни на миг не потерял своей беспечности и твердо верил в благополучный исход предприятия. Он пел, а профессор Ньюкомб, ученый, пожилой, всегда погруженный в занятия человек, брался за гитару. За столом доктор Амблер, прекрасно исполняющий роль заботливой и любезной хозяйки, разливал горячий кофе, вкусно приготовленный поваром негром Ах-Самом.

Ах-Сам был самым беззаботным и веселым участником экспедиции. Довольный своей судьбой, он нередко хвалился тем, что, житель тропиков, он отважился ехать туда, где ему меньше всего надлежит быть. Он уверял, что белые медведи до ужаса боятся его черной физиономии. Тяжело

страдая от холода, он скрывал это из гордости.

В этот вечер, одиннадцатого июня, в кают-компании ощущалось особенное оживление.

— Ну,—сказал Делонг, обращаясь к товарищам, сидящим за столом, — сегодня, погода резко изменилась, стало заметно теплее, термометр стоит на нуле и сегодня, когда я пробовал крепость льда, то заметил значительные изменения.

— Он треснул во многих местах,—сказал доктор,—трещина, идущая от носа корабля, так широка, что еще маленькое движение льда, и для нас уже откроется путь.

Мельвиль насмешливо взглянул на доктора.

— Доктор,—сказал он,—если послушать вас, то, право, можно считать, что мы уже почти в виду Сан-Франциско. Счастливый человек! Вам все всегда представляется в розовом свете.

— Если я не падал духом в течение целого томительного года,—возразил доктор,—то смешно было бы унывать тогда, когда судьба явно начинает благоприятствовать нам.

Мельвиль ничего не ответил и нахмурился, в глазах доктора он прочел упрек;

маленький человек далеко не был таким спокойным, каким хотел казаться. Он предвидел те трудности, какие могли предстоять кораблю в момент его освобождения, но разве надо было отнимать у команды надежды, которым они так доверчиво и горячо отдавались.

Больше всех радовался Ах-Сам.

— Когда корабль, наконец, станет прямо в этой речонке (океан он называл речонкой), мы сможем, наконец, не опираться руками в потолок,— сказал он,— и Ах-Сам, с разрешения капитана, спляшет такой веселый танец, какой можно увидеть разве только на юге, на нашей веселой родине.

Не успел Ах-Сам окончить своей речи, как внезапно глухой, но довольно сильный удар потряс „Жанетту“ до самого основания. Стаканы жалобно зазвенели на столе. Наступило минутное молчание—все прислушивались. За год давно уже отвыкли от движения на корабле—он так крепко сидел во льду, что был неподвижен, как дом, выстроенный на суше.

— Трещит, — прошептал Эриксен первый,—тюрма трещит!

Делонг встал; все заметили его бледность и тревогу, которую он с трудом скры-

вал. Для капитана было ясно, что в жизни экспедиции наступил один из самых опасных моментов. Ведь, освобождаясь из плена, „Жанетта“ вместе с тем освобождалась и от своей защиты. Лед, обволакивающий ее, смягчал удары пришедших в движение ледяных глыб. Теперь она одна станет лицом к лицу с могучим врагом.

— Я иду на палубу, — сказал Делонг.

Наверху глазам капитана представилось необычайное зрелище. Низкое ночное солнце, стоящее почти на краю горизонта, освещало косыми лучами необозримое ледяное поле. Все оно пришло в движение. Льдины трескались, открывая, как пасти, широкие водные трещины, громоздились друг на друга.

Вся команда была на палубе.

— Мельвиль! — крикнул Делонг, — немедленно развести пары, все по местам!

С необычайной быстротой „Жанетта“, казавшаяся столь долгое время совершенно лишенной жизни, пришла в движение. Забегали люди, заработали машины.

Делонг продолжал наблюдать за движением льда. Идущая от носа корабля трещина

на глазах заметно расширялась. Капитан ясно видел, что еще несколько мгновений — и судно станет прямо в открывшейся полынье: правда, вдали не было видно широких пространств открытой воды, но при благоприятном ветре и быстром таянии льда для „Жанетты“ открывалась надежда благоприятно пробиться среди ледяных чудовищ.

Сзади капитана очутился Нидерманн.

— Либо пан, либо пропал, — сказал он.

— Да, Нид, и я так думаю. Вся надежда на нашу добрую „Жанетту“. Она выдержит?

Нидерманн помолчал и затем тихо сказал, не глядя на капитана.

— Нет, капитан, не выдержит.

И он указал рукой на льдины, кружившиеся вокруг „Жанетты“, как в кипящем котле.

Как бы в ответ на его слова новый удар потряс корабль, и после столького времени „Жанетта“ покачнулась и, освобожденная, стала прямо в воде. Крик ликования пронесся по кораблю.

— Свободен! свободен! — кричали матросы.

Торжествующий Эриксен выбежал на палубу.

— Я говорил, я говорил,—кричал он,—я был уверен. Теперь на юг, на юг.

Ах-Сам, действительно, был, кажется, готов пуститься в пляс. До ушей капитана доносилась бодрая песня матросов: „Натягивай, ребята, натягивай крепче!“

„Жанетта“ шла, шла собственным ходом, управляемая теперь уже не льдинами, а волей и намерениями экипажа. Все лица сияли такой надеждой, что это чувство поневоле передалось не только капитану, но даже и недоверчивому, всегда ожидающему всего дурного Мельвилю.

Наступила ночь. Правда, полярная летняя ночь ничем не отличается от дня, так как незаходящее солнце продолжает так же ярко освещать необозримую ледяную пустыню. Корабль медленно и упорно пробивал себе дорогу. Команда падала с ног от утомления, но никто не покидал работы. Надежда, стремление к свободе поддерживали силы.

Температура продолжала подниматься, солнце пекло, и кругом лед все больше приходил в движение.

— Дорогой Мельвиль,—сказал капитан.— Вы знаете, что я неохотно отдаюсь радостным надеждам, но сейчас и мне начинает казаться, что есть вероятие...

Страшный удар прервал слова капитана: с необычайной силой судно вдруг поднялось кверху, точно невидимая рука выталкивала его из океана. С ужасом Делонг увидел, что между ним и Мельвилем по палубе, как змея, побежала трещина, и вся палуба стала медленно выгибаться.

Запыхавшийся, бледный Норос выбежал на палубу.

— Вода, вода в трюме.

Удар, который получила „Жанетта“, был нанесен ей подводной льдиной, предательски и незаметно напавшей на нее.

Этот удар оказался смертельным.

Никогда не терявшийся капитан Делонг на этот раз побледнел. Однако он командовал твердым голосом:

— Все запасы, сани, провиант, одежду на лед! И быстро!—и бросился сам помогать матросам.

На лодках, на веревках экипаж стал спускаться на лед. Всем было ясно, что борьба

672930

Российская государственная
детская библиотека

за „Жанетту“ уже бесплодна. Оставалась одна цель—спасти, что только возможно, с гибнущего корабля.

Все имущество торопливо и беспорядочно переносили на льдину.

Работа производилась в глубоком молчании. Казалось, произнеси кто-нибудь из матросов хоть слово, и рыданье или крик отчаяния вырвется у несчастных. Надежда, такая живая, такая близкая, была безжалостно разбита.

Между тем вода все быстрее и быстрее вливалась в трюм корабля. Норос и Эриксен последние оставались на нем, как бы все еще веря своими молодыми сердцами, что не все погибло.

— На лед, говорю вам, и живо!—крикнул гневно капитан, и матросы, нагруженные последней кладью, стали спускаться по веревкам.

Затем, как бы по команде, весь экипаж выстроился на льду лицом к гибнущему кораблю. Все глядели жадно, не в силах будучи оторваться, на агонию „Жанетты“. Она получила еще новый ужасающий удар. Бедная „Жанетта“! Бедный, верный друг,

Гибель Жанетты

двухлетний очаг несчастных, заброшенных на север людей. Вся левая сторона палубы уже под водой, а лед с каким-то бешенством еще и еще ударял по судну. Еще раз она на одно мгновение стала прямо и тихо пошла ко дну. Ветер на прощанье трепал флаг, медленно исчезающий под водой.

Тихо в палатках, раскинутых на льду, на далеком севере. Спят измученные, полуголодные, замерзающие люди. Нидерманн, один, с ружьем и в сопровождении верной собаки Тоби обходит лагерь, оберегая сон своих товарищей. Два месяца они идут по льду на юг, борясь с невероятными препятствиями. Достигнут ли они края ледяных полей до наступления зимы, хватит ли у них провианта, хватит ли выносливости и сил. В то время как они идут на юг, ветер гонит лед на север, и порой каждому из них борьба со стихией кажется бесплодной. Нидерманн вспоминает одного за другим своих товарищей: как изменились и исхудали все, как тревожны и печальны их лица, хотя каждый и старается скрыть перед остальными свою тревогу. Надежда гаснет с каждым днем. Борьба со

льдом кажется все более и более тяжелой. Ведь путь на санях через лед беспрестанно прерывается открывающимися во льду трещинами. Тогда приходится спускаться на лед лодки или строить мосты изо льда. Даже путь по цельным льдинам невероятно труден: то попадаются огромные ледяные холмы, то талый снег затрудняет путь, то заледивший за последнее время дождь образует огромные лужи, где вода доходит до колен. Труд ужасный, в тысячу раз ужаснее, когда подумаешь, что совершают его люди, ни днем ни ночью не знающие настоящего тепла, не знающие настоящей сытости, сидящие на голодном пайке.

Сегодня Делонг сообщил Нидерманну свои последние наблюдения о том, что течение относит лед на север и что благодаря этому их тяжелый путь лишь в самой малой степени подвинул их на юг. Делонг сообщил это только Нидерманну, как самому отважному, хладнокровному матросу из команды. И Нидерманн принял это, как должно, совершенно спокойно.

— Значит, нужно изменить направление, капитан.

— Да, Нидерманн, на юго-запад. Я вас прошу никому не сообщать о моих наблюдениях. Зачем отнимать последнюю надежду у этих несчастных людей?!

— Можете быть спокойны, капитан.

Теперь Нидерманн один со своими мыслями, только милый мохнатый Тоби, любимец команды, трется у его ног, жалобно скуля. Он гладит его по костлявой острой спине.

— Совсем плохо наше дело,—говорит Нидерманн,—совсем плохо, понимаешь ли ты это, милый песик.

И Тоби глядит на матроса добрыми, умными глазами, точно хочет сказать: „Да и мне не слаще, уж в этом можете быть уверены“.

Из палатки тихий стон доносится до Нидерманна. Он приподнимает край ее и осторожно заглядывает внутрь.

Все спят. Только Ах-Сам сидит в своем меховом мешке, высвободив руки и тихо и горестно покачивается из стороны в сторону. Его печальная фигура, его большие грустные глаза выражают то же, что глаза Тоби. Это—глубокая усталость, подорванная испытаниями надежда, сознание возможной

и, может быть, близкой смерти. Нидерманн прекрасно знает, что эти чувства можно подглядеть у товарищей только ночью, когда тоскующий уверен, что его никто не видит.

На утро Ах-Сам будет опять так же весел, так же будут сверкать белые зубы на его черномазом лице.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Ах-Сам? — спросят его.

— Ничего, я здоров и мне хорошо.

Нельзя же, в самом деле, расстраивать товарищей своими мелкими личными делишками. И так думают все, начиная с повара и кончая капитаном.

Однажды утром, после ночевки под проливным дождем, капитан вышел из палатки и позвал к себе Эриксена.

— Ну, Эриксен, как вы себя чувствуете сегодня, мой дорогой?

— Прекрасно, как и всегда, капитан.

Капитан с удовольствием взглянул на веселое лицо матроса. В самом деле, Эриксен выглядит лучше всех. Он не так худ и бледен, как остальные, он еще не утратил своей беспечности, своей веры в счастливый исход.

Капитан ласково положил ему руку на плечо.

— А я-то думал про вас, что вы окажетесь наименее выносливым; многие уже стали прихварывать, а вы как-будто веселее и бодрее с каждым днем.

— Это потому, капитан, что вы ни разу не поручали мне тяжелой работы.

Это было справедливо: не только у капитана, но и у всей остальной команды было какое-то особенное отношение к Эриксену. Он был всеобщим баловнем. Пока был слышен его голос, пока раздавались его песни, неумолкающие шутки и смех, у всех было веселее на душе.

— Право, капитан, я скоро начну обижаться на вас за ваше недоверие.

Делонг улыбнулся.

— Не успеете, мой друг; как раз сегодня я назначаю вас разведчиком. У лейтенанта Даннехауэра так болят глаза, что ему приходится лежать целый день в меховом мешке, накрывшись с головой; Дресслер от соленой воды страдает такими желудочными болями, что едва двигается. Герц вчера ходил на разведку. Очередь—ваша и Нороса.

— Прекрасно! Нам не будет скучно.

— Только прошу вас, Эриксен, не делайте никаких глупостей. Вы оба так молоды. Хотя на Нороса я надеюсь. Он человек серьезный.

Эриксен рассмеялся.

— Вы хотите сказать, капитан, что на меня нельзя положиться и что даже здесь, в Ледовитом океане, я могу нашалить, как десятилетний мальчуган.

Норос и Эриксен запрягли в сани Тоби и Джека. Джек — большая собака, суровая и серьезная. Она как раз составляет контраст добродушному и веселому Тоби. Тоби имеет трогательную привычку в трудные минуты извиняющимся тоном повизгивать и быстро вилять хвостом, как бы прося прощения за свою слабость.

— Не стесняйся, Тоби, это со всяким может случиться, — говорил ему в таких случаях Эриксен.

Путь Эриксена и Нороса прошел очень благополучно. Прямо перед ними гладкая льдина тянулась на юго-запад без единой трещины. Они должны были расставлять флаги на пути, чтобы вся экспедиция со

своей тяжелой кладью и больными могла безопасно следовать за разведчиками. Им предстояло также подыскать место для следующей стоянки.

К вечеру они уже прошли порядочное расстояние и чувствовали себя утомленными. Эриксен уже собирался распрягать замученных, усталых собак, как вдруг Норос схватил его за руку.

— Погоди,—сказал он внезапно задрожавшим почему-то голосом,—гляди сюда.

Норос показывал рукой вдаль на горизонт; сначала Эриксену показалось, что перед ним обычная картина: снег, лед, ледяные холмы, трещины, но там, вдали, на небе, облака странно изменили свой цвет: они отливали каким-то синеватым светом, были темнее и низко плыли на горизонте.

— Не понимаю,—сказал Эриксен, взглянув на Нороса, глаза которого не то радостно, не то тревожно, не отрываясь, глядели вдаль.

— Облака, облака...—бормотал Норос, как-будто не веривший своим глазам,—темные облака, таких не бывает надо льдом.

— Что же, Нор, ты думаешь, что это...

— Вода или земля?..

— Не может быть; ведь капитан говорил...

— Ах, Эриксен, капитан мог ошибиться; правда, его астрономические наблюдения показывают, что мы на 75° северной широты, но ведь за последние три дня ветер переменился, течение могло отнести нас на юг, и если, наконец, мы не у берегов Сибири, то во всяком случае мы на краю ледяных полей, если только все это...—он указал на край горизонта,—не обман зрения.

— Ну, это мы сейчас узнаём, Нор.

— Ты забываешь, Эриксен, что капитан не велел нам отдаляться от экспедиции на слишком большое расстояние. Мы должны остановиться здесь.

Эриксен с насмешкой взглянул на Нороса.

— И ты воображаешь, что чьи бы то ни было приказания могут остановить меня? Да знаешь ли ты, что, несмотря на все свое утомление, я готов идти еще целую неделю без сна и без пищи, лишь бы убедиться в том, что мы действительно на краю льда.

— И потерять силы и здоровье.

— Хотя бы жизнь, лишь бы увидеть, наконец, воду и землю.

Норос, несмотря на свою молодость, был гораздо рассудительнее и хладнокровнее Эриксена, но на этот раз желание удостовериться в том, что действительно они достигли края ледяных полей, взяло верх над благоразумием.

— Я слишком хорошо знаю твой характер, Эриксен, и даже не пытаюсь спорить,— сказал он,—но предупреждаю тебя, что с наступлением темноты я распрягаю сани и разбиваю палатку, хотя бы мне пришлось даже вступить с тобой в драку. Если ты не жалеешь себя, то подумай по крайней мере о собаках—они изнемогают.

Вместо ответа Эриксен потрепал Тоби по мохнатой голове, как бы говоря: „Мы не сдаемся ни на какие убеждения, не правда ли, Тоби?“

Еще два часа пути, пути гораздо более тяжелого, чем весь проделанный за день: лед под ногами матросов сделался более рыхлым, и чаще и чаще стали попадаться трещины. Но все же, несмотря на то, что

сумерки уже начали спускаться на океан, глазам их стало открываться давно невиданное зрелище. Края ледяных полей как будто обрывались, и широкое водное пространство простиралось перед ними, куда только достигало зрение.

Тогда оба матроса, как бы по взаимному уговору, обернулись друг к другу и молча обнялись. Надежда, настоящая живая надежда переполнила их сердца.

Еще накануне спасение казалось невозможным. В конце августа находиться среди ледяных полей уже с истощенными запасами и силами, продвигаться на юг по льду, который между тем противный ветер относит на север, совершать в течение дня переход в 4—5 верст, так как на большее нехватало сил, видеть, как медленно, но верно подтачивается здоровье и самая жизнь товарищей,— все это разрушало веру в благополучный исход. И вот вода! Открытый путь к берегам Сибири, где первая попавшаяся хижина запоздавшего на зимовку китолова или охотника будет якорем спасения для всей экспедиции.

Несмотря на то, что как только Эриксен залез на ночь в свой меховой мешок, по

всему его телу распространилось приятное тепло, сон не шел к нему. Все члены его ныли от усталости, но в голове вертелась одна неотвязная мысль: вода, путь на лодках, твердая земля под ногами, а там родина, дорогие, близкие люди, которые, быть может, уже потеряли надежду на свидание, а главное—отдых и тепло. Эриксену казалось в этот миг, что все счастье человека состоит только в том, чтобы чувствовать себя сытым и согретым. Если бы это зависело от него, он согласился бы итти еще дальше и дальше, пока только хватит сил. Собаки спали в ногах у матросов.

Наконец, Эриксен не выдержал и тихо чтобы не разбудить Нороса, вылез из своего убежища. За время отдыха вся окружающая картина успела перемениться. Густой туман покрывал всю окрестность и воды больше не было видно. Тщетно Эриксен вглядывался в молочно-белую пелену, окутывающую его. Он был преисполнен такой энергии и отваги, что ему во что бы то ни стало хотелось делать что-нибудь, итти. С палкой в руках он двинулся опять туда, в то же направление на юг. Он сам не знал

зачем идет; у него было только одно желание: удостовериться еще раз, что впереди действительно вода.

Не успел он пройти и ста шагов, как услышал позади себя тихий лай. Мохнатый, длинноухий Тоби, повиливая хвостом, бежал за ним.

Он приласкал собаку.

— Еще несколько шагов,—решил он,— и я иду обратно.

Однако путь становился все более трудным, рыхлый снег доходил почти до колен. Эриксен то и дело проваливался, он постоял еще минут пять, вглядываясь в непроницаемый туман, и решил возвращаться. Вдруг Тоби у его ног зарычал и ошетинился. Эриксен обернулся: шагах в двадцати от него огромный белый медведь тяжело и уверенно шагал по снегу, направляясь прямо на матроса. Эриксен был вооружен только палкой; одно мгновение он продолжал стоять неподвижно, затем, круто повернувшись, пустился бежать к палатке. Тоби следовал за ним, рыча и лая. Медведь прибавил шагу и бросился в погоню. Эриксен, оглядываясь на бегу, видел, что расстояние

между ним и зверем делалось все меньше и меньше. Пот лил с него градом, промокшие сапоги были тяжелы невыносимо. От волнения он чувствовал, что не может кричать, хотя он был на таком близком расстоянии от палатки, что Норос мог услышать его и выйти к нему на помощь с ружьем.

Вдруг медведь, как бы соскучившись гнаться за человеком, спокойно уселся на снегу и стал издалека смотреть на Эриксена.

„Спасен“—мелькнуло в голове у матроса, но в тот же миг он почувствовал, что с ним происходит что-то неладное: под его ногами раздался треск, ледяной холм, бывший перед ним, вдруг стал отделяться, и он очутился по самое горло в ледяной воде. Руками он ухватился за край расходящейся льдины, стараясь притянуться к берегу; платье его мгновенно отяжелело, а все тело втягивалось течением под лед. Эриксен сделал над собой нечеловеческое усилие и изо всех сил крикнул:

— Норос! Норос! на помощь!

Тоби вторил ему диким визгом и лаем. Трещина, образовавшаяся на льду, была так близко от палатки, что не прошло и двух

минут, как Норос был около погибающего товарища.

Две минуты промедления, и Эриксен был бы втянут под лед.

— Сумасшедший! Зачем ты ушел? Как ты смел итти один? Как ты смел не разбудить меня?—ворчал Норос, ведя в палатку насквозь продрогшего товарища.

С трудом удалось стащить с Эриксена платье, а сапоги так примерзли к ногам, что их пришлось силой отдирать. Норос поделился с товарищем своим сухим платьем, влил ему в рот полчашки алкоголя и помог залезть в меховой мешок. Эриксен трепетал всем телом, невыносимая боль в ногах вырывала у него стоны. Ему было так холодно, что казалось, что он все еще находится по горло в ледяной воде.

Только к вечеру другого дня экспедиция присоединилась к разведчикам. Норос встретил их и радостной и печальной вестью. Вода была несомненно и ясно видна на горизонте, но бедный Эриксен тяжело поплатился за свою неосторожность. Озноб все еще продолжал трясти его и болели ноги. Доктор Амблер осмотрел больного и недовольно покачал головой. По крайней мере на неделю отряд лишался сильного и хорошего работника. Однако вторая новость — о появившейся на горизонте земле — была так радостна, что вся экспедиция, и вместе с ней и больной, провела в своих палатках веселый и полный надежд вечер. Редко кому случалось слышать такие радостные крики, какие раздавались

в этот вечер среди полярных льдов. Морские птицы, стаями усеявшие края льда, наполняли своим щебетанием воздух.

— Счастливые,—говорил капитан, глядя на них,—они летят туда же, куда и мы. Но то расстояние, которое потребует от нас несколько недель, они покроют в семь или восемь часов.

— Да, — сказал Мельвиль, — по правде сказать, раньше чем завоевывать полюс, человеку надо бы завоевать воздух.

— Если мы и не увидим этого,—прибавил доктор,—то увидят другие—в это я верю твердо.

Ах-Сам не отходил от Эриксена, заставляя его в сотый раз рассказывать о встрече с медведем.

— Ах, зачем не было с тобой Ах-Сама,—говорил он.—Белый медведь никогда бы не стал гнаться за черным человеком, скорее черный человек погнался бы за медведем и загнал бы его под лед.

На утро, к довершению радости, Нидерманну, отправившемуся на охоту, удалось уложить жирного тюленя, который и составил чудесный пир для всей команды.

Туман рассеялся, и уже совершенно явственно стала видна вода.

Однако только через неделю экспедиции удалось достигнуть края ледяного поля. Последняя часть пути оказалась самой трудной. Трескавшиеся и расходившиеся льдины представляли из себя большую опасность. Открывающиеся между ними полыньи были то слишком широки для искусственных мостов, то слишком узки для спуска лодок. На океане началась бурная погода, доставлявшая людям невероятные страдания. Кроме того, запасы пищи быстро истощались, и поневоле приходилось отказывать разбитым от усталости людям в сытном столе. Среди недавно еще бодрой и сильной команды многие начали жаловаться на недомогание. Одежда и обувь были в самом плачевном состоянии, меховые спальные мешки так износились, что едва согревали промерзших матросов ночью. Только надежда, вечная спутница человеческих страданий, воскрешала угасающие силы. Но больше всего беспокоило команду здоровье бедного Эриксена. Он не только не мог работать, но даже с трудом передвигался. Грустно было смо-

треть на его лицо, на котором глаза как-будто с каждым днем делались все больше и больше; грустно было не слышать его веселого смеха, его безудержной болтовни. Он стал тих и спокоен и даже как-будто равнодушен ко всему.

12-го сентября, в день, когда решено было спустить лодки на воду, наступила, наконец, хорошая погода. Вся команда собралась на льду, где между сложенных палаток и увязанных саней капитан распределял посадку людей. Лодок было три: одна под командой лейтенанта Чиппа, другая под командой Мельвиля, третья под командой капитана.

— Я беру тебя с собой, Эриксен,—сказал Делонг, нагибаясь к лежащему Эриксену.

— Как хотите, капитан.

— Не пройдет и двух дней, как мы будем на твердой земле, Эриксен, подумай об этом.

В угодую Делонгу Эриксен постарался улыбнуться.

— И Ах-Сам с нами?

— Конечно, разве твой черномазый приятель согласится расстаться с тобой.

Наконец, все было готово к отплытию. Делонг, Чипп и Мельвиль сдержанно, но с чувством пожали друг другу руки.

— Главное, — сказал Делонг, — держаться вместе, итти все время борт о борт.

Чипп указал рукой на расстилающееся перед ними спокойное водное пространство. Казалось, все благоприятствовало им, и три лодки, осторожно лавируя между ледяными глыбами, тронулись в путь. С лодки Делонга раздалась неожиданно радостно - веселая песня Ах-Сама. Он пел о юге и родине, полный надежды и радости.

Порыв ветра, за ним другой, океан как-будто темнел, и поднялось легкое волнение. Делонг тревожно вглядывался вдаль.

Нор и Нид с непроницаемыми, спокойными лицами работали у руля. Эриксен неподвижно лежал в глубине лодки, а добрый негр рядом с ним старался развлечь его своей болтовней. Чипп и Мельвиль, относимые течением, сначала переговаривались с капитаном через рупор, а когда ветер окончательно стал заглушать их голоса, только сигнализировали флагами. Лодка Чиппа—

самый лучший ходок — быстро неслась вперед.

Небо все больше и больше хмурилось, и на океане стали вздыматься большие волны.

— Как их, однако, относит от нас, — тревожно сказал капитан, — боюсь, чтобы темнота окончательно нас не разлучила.

— Во всяком случае пока мы держимся одного и того же направления, — сказал Нидерманн.

В это время Амблер, глядевший в подзорную трубу, приподнялся с своего места.

— У них авария, — сказал он взволнованно. — Вероятно, течь, я вижу, что на лодке Чиппа откачивают воду.

— Вероятно, захлестнуло волной, — сказал Нидерманн, хотевший казаться спокойным.

В это время лодка Мельвиля, взмытая волной, появилась в виду отряда Делонга. Мельвиль приветно и весело махал флагом, давая знать о том, что у него все благополучно, и затем стал быстро скрываться из вида.

Тем временем наступала темнота, лодку все сильнее и сильнее стало швырять из

стороны в сторону, вода то и дело стала захлестывать за борт и всем, за исключением Эриксона, пришлось приняться за откачивание. Капитан Делонг тщетно пытался через рупор переговариваться с товарищами: ответа не было.

Только за полночь океан стал понемногу успокаиваться, и, казалось, всем можно было вздохнуть спокойно.

— Двое по очереди будут спать,—сказал Делонг,—иначе на утро ни у кого нехватит сил. Нор и Нидерманн, я приказываю вам отдохнуть.

Слова Делонга были прерваны внезапно раздавшимся криком. Он пронесся вдруг по затихшему океану жуткий и явственный.

— Что это?—проговорил побледневший доктор.

Все замерли, прислушиваясь.

— Погибаем! — четко пронеслось еще раз над водой, и все смолкло.

Бледные смотрели друг на друга матросы,—этот страшный крик мог нестись только с одной из лодок—Чипп или Мельвиль?

Кто погиб в океане, кого они не досчитаются на берегу? И как подать помощь, как

подать ее с лодки, на которой паруса бес-
сильно шлепали по мачте и измученные люди
по колено в воде откачивали ее? Однако
капитан несколько раз отчаянно звал в ру-
пор, ему вторили и остальные матросы, пере-
гибаясь через лодку, вглядываясь в темноту.

Полное молчание... Казалось, что ужасный
крик только почудился им, явился лишь пло-
дом их расстроенного воображения.

На утро на дне лодки, рядом с Эрик-
сеном, прижимаясь к нему, лежал Ах-Сам.
Простудился ли он в течение последней
ужасной ночи или бедная его голова не вы-
держала пережитого? Но он лежал слабый,
с блуждающим взором, с неясными бессмы-
сленными словами, вылетавшими с его за-
пекшихся губ.

Но вдали, среди океана, как единственная
и последняя надежда погибающих, вырисовы-
вались очертания столь желанной, спаситель-
ной земли. Наконец-то берега Сибири... по-
следняя возможность спасения. Нигде, ни на
севере, ни на востоке, ни на западе не видно
лодок. Где Мельвиль, где Чипп? Кто из них
погиб? Этот ужасный вопрос раздирает
сердца матросов, в то время как они через

береговой лед, промерзшие, голодные, разбитые, тащат на землю лодки, сани, провиант и молча и покорно лежащих больных, быть может, умирающих товарищей.

Река Лена, хотя многоводная и глубокая, мало исследована. Она протекает по пустынной тундре и тайге и на много месяцев бывает скована ледяным покровом. Она впадает в малодоступное для плавания Северное полярное море. Летом китоловы и промышленники строят у ее устья хижины, где и проводят лето; с наступлением холодной погоды они покидают свои временные жилища и уходят на зимовку на юг. Устье реки мрачно и пустынно; животная жизнь почти замирает: изредка в начале зимы кое-где попадаются куропатки и олени, но человека на много верст кругом даже в начале октября уже трудно найти.

Здесь-то, в одной из этих пустых хижин, приютились 14 человек, оставшихся от экипажа „Жанетты“. О товарищах никаких сведений, — удалось ли кому-нибудь, Чиппу или Мельвилю с командами, благополучно пройти через бурю, разыгравшуюся в океане, или?.. Да! Последнее предположение о гибели обеих

лодок—самое ужасное и вместе с тем самое вероятное.

Эриксену день ото дня делалось все хуже и хуже. Доктору Амблеру пришлось отнять ему пальцы на отмороженных ногах. Он стал совершенно неподвижен, но на лице его играл лихорадочный румянец. Изредка капитан Делонг слышал, как он начинал о чем-то сам с собой разговаривать и улыбаться болезненной, но радостной улыбкой.

— Ну как вы себя чувствуете, Эриксен?—спрашивал капитан.

Эриксен глядел на капитана несколько мгновений молча, наморщив лоб, как бы стараясь собрать разбегающиеся мысли. В нем уже нельзя узнать прежнего веселого и беззаботного юношу: лицо его обросло бородой, черты обострились.

— Мы на земле, капитан?

— На земле, Эриксен.

— В Сибири или...

— Что или?

— Я подумал, капитан, что мы уже дома, в Сан-Франциско, вероятно, я ошибаюсь... Мы только... завтра будем дома, да, капитан, завтра?

По всегда спокойному лицу капитана текут слезы.

— Да, Эриксен, завтра, — и он быстро отходит от больного.

В сущности из всего отряда только четверо чувствовали себя сравнительно здоровыми: это были доктор, капитан, Нидермани и Норос. Доктор, казавшийся таким хрупким благодаря своему маленькому росту, поражал всех своей энергией. Он не только ухаживал за больными, но даже находил в себе силы шутить с ними.

Вечером в хижине, когда в ней зажигали костер, утомленным людям казалось, что они охотно остались бы здесь навсегда, греясь у его теплого пламени.

Прошло 115 дней со дня гибели „Жанетты“. Все было истощено — провиант и силы. Из собак один только Тоби, исхудавший, как скелет, и давно некормленный, оставался при команде. Делонг с грустью глядел на скулящего пса. Судьба его была предрешена. Пищи всего оставалось на три дня, и рано или поздно придется выпустить заряд в его лохматую голову, чтобы поддержать угасающую жизнь людей его жестким мясом.

Яркое солнце освещало мертвую, снежную природу. Стоянка отряда в хижине длилась уже целых два дня. Капитан Делонг сознавал, что каждый миг промедления мог оказаться гибельным для него и товарищей, но вместе с тем дальнейший путь был почти невозможен. Эриксена и Ах-Сама, самых тяжелых больных, надо было нести на руках. А у кого из команды хватило бы на это сил? Надежда на то, что кому-нибудь из матросов посчастливится на охоте, оказалась тщетной: какой бы то ни было дичи не было и следа.

На третье утро Делонг вышел из хижины с озабоченным и мрачным выражением лица. Нидерманн шел вслед за ним.

— Я вас слушаю, капитан.

— Вы отдаете себе отчет в нашем положении? — спросил Делонг, не глядя на матроса.

— Да, капитан, — просто ответил тот.

— Эриксен очень плох, я потерял всякую надежду на улучшение, мне кажется невозможным переносить больного дальше.

— Ах-Сам тоже не в себе, — сказал Нидерманн.

— Да, да, и Ах-Сам, да и не он один, а, однако, у нас нет ничего, решительно ничего, чем бы мы могли поддержать свои силы. Охота? Но вот уже много дней, как она оказывается тщетной. Вы, Нидермани, здоровее других.

— Да, капитан, я и Норос, мы сколочены довольно крепко, хотя мальчишка и сдал немного за последнее время.

— По моим расчетам,—продолжал капитан,—в 35 верстах отсюда находится местечко Куман-Сурка: там должны быть люди. Вы можете сделать это путешествие и возвратиться к нам через четыре дня. Чувствуете ли вы себя в силах?

— Терять нечего, капитан, я возьму с собой Нороса.

— Едва лишь вы найдете людей, возвращайтесь как можно скорей и принесите нам столько мяса, чтобы мы могли не голодать больше. А мы тем временем будем по мере сил подвигаться за вами вслед.

Затем он помолчал, тревожно взглядывая на матроса.

— Вы знаете, Нидермани,—продолжал он, как-будто стыдясь собственных слов,—

нам нечего есть, и я решительно ничего не могу дать вам на дорогу...

— Я это знаю. У нас есть два фунта собачьего мяса, и при некоторой экономии нам хватит этого на три дня, а там...

Нидерманн беспечно махнул рукой. И в самом деле! Чего могли страшиться эти люди? Ведь хуже того, что они пережили, могла быть только смерть, а к ней они давно уже были готовы.

При виде этой героической простоты матроса лицо капитана исказилось страданием. Каких усилий стоило ему скрывать перед товарищами свое отчаяние. Каких усилий стоило ему быть всегда бодрым и веселым ради того, чтоб поддержать других.

— Ах, Нидерманн,—вырвалось у него со стоном. Еще минута... и, может быть, он бы высказал Нидерманну всю свою тоску, но в это время доктор Амблер торопливо вышел из палатки. Он дрожал всем своим маленьким телом и был бледен.

— Умирает!—сказал он.

Нидерманн и Делонг бросились в палатку. Бедный Эриксен лежал вытянувшись в своем

меховом мешке. У ног его Ах-Сам безучастно глядел по сторонам, бормоча что-то себе под нос.

Кругом, молча, стояли остальные матросы. Бедному Эриксену только во сне удалось увидеть родину. Многим ли из его товарищей посчастливится увидеть ее в действительности?

Выкопать могилу для Эриксена было невозможно: замерзшая земля была тверда, как камень, лопат не было, и сил тоже не было для такой работы. Единственно, что могли сделать матросы—это прорубить во льду дыру и опустить туда товарища. Тело завернули и зашили в парусину. Все вместе вышли из палатки провожать Эриксена. Один Ах-Сам отказался, жалобно говоря:

— Не хочу, там холодно, не хочу, там холодно.

Тело Эриксена, покрытое флагом, положили на снег и стали рубить лед. Все молчали. Когда работа была окончена и матросы уже собирались опустить труп под лед, капитан жестом остановил их.

— Я гляжу на нашего дорогого, милого Эриксена,— сказал он,— и, как у всех вас,

в моем сердце поднимается тяжелое недоумение. Я спрашиваю себя: зачем погибла эта молодая жизнь, не жестока ли, не бессмысленна ли эта жертва? В праве ли были мы и он, наш милый веселый товарищ, пускаться в неведомый путь, приведший нас к этому ужасу? И если мы скажем себе: да, эта жертва бессмысленна, да, Эриксен погиб ни за что, наше предприятие было безумием и преступлением... тогда, друзья мои, отчаяние наше будет безгранично. Но я знаю, я вижу, что, несмотря на все наши страдания, отчаянию еще нет места в наших сердцах. И это потому, что мы знаем, что тот, с кем мы прощаемся сегодня, совершил великое и плодотворное дело. Мы знаем, что не бессмысленна та жертва, которая приносится во имя знания и блага человечества, мы знаем, что наша гибель послужит нужным уроком тем, кто последует за нами в путь на север, мы знаем, что всякая победа дается лишь ценой прекраснейших и благороднейших жизней. Мы знаем, наконец, что грядущее, могучее и смелое человечество с благодарностью вспомнит нас, давших людям лишь три маленьких острова на карте Ледовитого

океана и горький опыт наших страданий, терпения и смерти.

После речи капитана тело Эриксена спустили в реку, и оно тотчас же скрылось из глаз, унесенное быстрым течением. В честь его были сделаны три выстрела, и затем команда безмолвно вернулась в хижину.

В тот же день Нидерманн и Норос простились с товарищами и двинулись на разведку на юг. В хижине оставалось 12 человек, из которых четверо были тяжело больны. Никому из здоровых даже не пришла мысль бросить больных и всем вместе искать спасения на юге. На дорогу капитан вручил Нидерманну копию со своей маленькой карты устьев Лены и сказал:

— Вот и все, что я могу дать вам на дорогу. Сообщить вам что-нибудь о реке или о стране я не в состоянии, так как вы сами знаете столько же, сколько и я. Нечего говорить вам о том, что вы являетесь последней надеждой отряда. Поэтому, если это в ваших силах, торопитесь!

Матросы отправились в путь, сопровождаемые заздравными возгласами остаю-

щихся. Казалось, и те и другие уговорились до последней минуты не терять надежд.

Снег и снег кругом. Метель то дико завывает, крутя белые снежные облака, то затихает у подножья береговых гор. Река замерзла, не слышно никакой жизни на много верст кругом. Норос и Нидерманн идут наугад. Карта капитана не дает почти никаких указаний, а снежная метель перепутала все дороги. Чтобы добраться до назначения, надо держаться русла реки и таким образом зачастую удваивать и утраивать расстояние. Уже на второй день пути ужасная слабость охватила обоих. На завтрак — крошечный кусок собачьего мяса, на ужин — несколько капель алкоголя; а пройдет два, три дня, и у них не будет даже этих жалких запасов.

Под вечер второго дня Нидерманн забрался на пригорок, чтобы оглядеть с вершины окрестности. Норос стоял внизу. Вдруг Нидерманн начал делать ему знаки рукой, указывая на ружье. Норос вбежал вслед за ним на пригорок.

Саженьях в трехстах от них паслось стадо оленей. Их было голов 12. Одни отрывали

траву из-под снега, другие стояли на часах, а некоторые отдыхали, лежа на земле. Норос затрепетал. Один из этих оленей, убитый ими, спасет не только разведчиков, но и весь

отряд, к которому они немедленно вернутся, нагруженные мясом. Он подал ружье Нидерманну,

— Я не могу, — сказал он, — попробуй ты.

Нидерманн, никогда не терявший хладнокровия, снял тогда свое тяжелое платье, чтобы двигаться с большей свободой, и полез к животным по снегу. Норос закрыл лицо руками... сердце его билось. Нидер-

манн уже в 100—150 саженьях от стада... Вдруг один из оленей заметил его, закричал, и испугнутое стадо бросилось прочь со своей стоянки. Нидерманн вскочил на ноги и послал вслед убегавшим три пули, уже дрожащей от волнения рукой. Все было напрасно, олени исчезли в снежном тумане.

Когда он, смущенный и убитый, обернулся, Норос лежал, зарывшись головой в снег, и все тело его сотрясилось от рыданий.

— Я все сделал, что мог, — тихо сказал Нидерманн, — видно, не судьба!

Еще два дня пути, ночевка в логовище, которое пришлось вырыть в снежном сугробе, а кругом все то же, и нигде не видно признака человеческого жилья.

Нидерманн стал с ужасом замечать, что его товарищ с каждым часом слабеет. Он видит, что вместо твердой походки он идет каким-то спотыкающимся шагом, а в его глазах он встречает выражение того равнодушия, граничащего с безумием, которое видел в глазах Ах-Сама у ног умирающего Эриксена.

„Что я буду делать, — думал Нидерманн, — если Норос окончательно не будет в состоя-

нии двигаться дальше? Оставить его одного? Но разве я могу бросить умирающего товарища? Остаться с ним? Но это значит потерять всякую надежду на спасение отряда".

Нидерманн отдал Норосу свою порцию алкоголя, и его друг безучастно принял эту жертву. Вечером Нидерманну удалось набрать немного хвороста, и, разведя огонь, он разварил в воде несколько кусков тюленьей кожи, вырезанной из сапогов. Норос жадно жевал и глотал омерзительную пищу.

На седьмой день пути матросы уже не шли, а брели, опираясь друг на друга. Это были только тени людей, и все же Нидерманн не хотел умирать. Спасти товарища во что бы то ни стало, бороться до конца, до последнего издыхания. И, однако, через каждые полчаса оба ложились на снег, чтоб отдохнуть немного.

Наконец, в один из таких привалов, когда Нидерманн тяжело поднимался, чтобы двинуться дальше в путь, Норос остался лежать. Нидерманн нагнулся к нему.

— Нор! надо итти!

Норос открыл глаза и несколько мгновений молча глядел на него.

— Нор, прошу тебя... еще маленькое усилие. Видишь, я встал, я пойду!

Горькая усмешка пробежала по лицу Нороса.

— Зачем? — сказал он и снова закрыл глаза.

Тогда в глубоком отчаянии Нидерманн упал на колени около товарища. Все погибло! Теперь больше нет надежды! Ему остается только лечь рядом с Норосом в снег и ждать смерти. О, если бы она пришла поскорей! Он оглянулся по сторонам, как бы призывая эту желанную смерть, и вдруг... Что это? Неужели это игра расстроенного воображения? Саженьях в трехстах от него — небольшая избушка, полузанесенная снегом. Жилье или по крайней мере убежище от холода. Как он мог не заметить ее раньше?

Нидерманн нагибается над Норосом и отчаянно трясет его за рукав.

— Нор! Нор! Жилье, избушка!

Норос ничего не отвечает, он закрыл глаза, ему уже ничего не хочется, кроме смерти.

Тогда Нидерманн напрягает свои последние силы и поднимает товарища на плечи.

Правда, он уже не тяжел, этот полускелет, но для Нидерманна это непосильная тяжесть. Он спотыкается, падает, вновь поднимается и все же идет... идет.

Наконец, он у хижины, он отворяет дверь, и первое, что ему бросается в глаза,—это висящая в углу хижины связка сушеной рыбы. Рыбы, покрытой плесенью, ссохшейся, испорченной, но все же рыбы, пищи! Они спасены!

Ужин у костра, в избушке, которая кажется необычайно уютной после снежного поля, возможность просушить одежду, видеть в глазах Нороса вновь появляющийся огонь жизни, слышать его слабый голос: „Спасибо, друг, без тебя моя песенка была бы спета“... Все это счастье для Нидерманна, но счастье, которому нельзя отдаться, счастье, которого приходится стыдиться благодаря тому, что неотвязная мысль сверлит в мозгу: „А что там, в отряде? Живы ли? Мы здесь отдыхаем, а они... нашли ли они хоть что-нибудь для утоления голода?“ И, несмотря на нечеловеческую усталость, ему хочется идти дальше, дальше за людьми, за помощью.

Рано утром собрались было снова в путь, но, когда они стали готовиться к дальнейшему походу, Норос вдруг почувствовал себя до такой степени слабым, что поневоле пришлось отложить всякое попечение о дальнейшем походе.

Он жалобно и смущенно глядел на Нидерманна, который боялся встречаться с ним глазами. Он, шатаясь и держась за стену, делал последнюю попытку собраться в путь.

— Нид,— тихо позвал молодой человек,— я хотел бы идти, Нид. но, видишь ли, какие бы я ни делал над собой усилия, это все равно бесполезно.

— Может быть, если мы поедим еще рыбы..

— Нет, зачем обманывать себя. Мои ноги бессильны, мне кажется, что я даже не чувствую их, но если у тебя есть еще хоть немного сил, то я решил предложить тебе одну вещь.

— Что такое?

— Я один здесь, а там...— он указал рукой на север...— их одиннадцать человек. Брось меня, друг, иди дальше... Здесь у меня есть немного рыбы. Если ты скоро най-

дешь людей, я, пожалуй, дождусь тебя, если же нет...

В ответ на эти слова Нидерманн бросился к Норосу и прижал его к себе, как бы стараясь спасти от смерти последнего остающегося друга.

— Бросить тебя, Нор? Тебя, моего лучшего друга, бросить одного, больного! Да разве у меня нет сердца? Разве я могу на это согласиться?

— А как же они? — еще тише проговорил Норос.

— Они? Они?—И оба матроса замолкли, продолжая держать друг друга за руки и как бы видя перед собой покинутую хижину, мертвое лицо Эриксена и глаза Делонга, полные последней надежды на них одних...

Вдруг за дверью раздался какой-то странный шум. Он походил на шум крыльев, который производит садящаяся на землю стая гусей. Гортанный голос выкрикнул что-то на непонятном языке, дверь распахнулась, и на пороге появился человек.

Он был одет в высокие оленьи сапоги и меховую шубу и держал в руке ружье.

И, однако, при виде двух исхудавших, страшных людей, кинувшихся ему навстречу с криком безумной радости, на его скуластом, узкоглазом лице выразился ужас, и он, откинув ружье в сторону и подняв руки, упал перед ними на колени.

— О, человек, человек, — кричал Нидерманн, стараясь поднять его и выражением лица и жестов стараясь выразить свое дружелюбие, — не бойся нас, помоги!

Тунгус продолжал растеряннo оглядывать обоих товарищей. За ним ввалились в избу трое других, одетых так же, как он, и с неменьшим испугом встретивших матросов. В открытую дверь были видны олени, запряженные в сани.

Вечером в избушке роскошный ужин. Нидерманн и Норос уже успели подружиться с добродушными дикарями. Их переодели в шубы и высокие оленьи сапоги. Тунгусы знаками выражают им свою любовь и дружбу. Все сидят рядом на полу, на котором Нидерманн на клочке бумаги старательно что-то рисует. Из его слов никто

ничего не понимает, но когда он берет кусочек дерева, ставит его между двумя льдинками и показывает, как их корабль был затерт, раздавлен и пошел ко дну, тунгусы издают звуки одобрения и кивают головами.

Нидерманн глядит в глаза своим слушателям: всеми силами своей души он хочет, чтобы они поняли то главное, что терзает его. И он снова об'ясняет и рассказывает: „Далеко, далеко... на севере... их одиннадцать!—И он показывает им число погибающих товарищей на пальцах.—Они больны, голодны, умирают“... И Нидерманн ложится на землю и закрывает глаза, показывая им степень изнурения отряда. Тунгусы волнуются и переговариваются между собой. Нидерманн чертит на бумаге русло реки, указывает дорогу, пройденную всем отрядом, и то место, где они с Норосом покинули товарищей. „На помощь к ним, скорей, скорей, с одеждой, пищей, иначе они замерзнут“. Тунгусы показывают знаками, что они его не понимают. Норос присоединяется к Нидерманну. Теперь оба они, склонившись над бумагой, чертят, рисуют, об'ясняют зна-

ками. Тунгусы, то глядят на них с полным сожалением и сочувствием, то пожимают плечами, то слушают равнодушно, отчаявшись понять что-нибудь. Им очень хочется помочь несчастным иностранцам, и чего же проще? У дверей сани и олени; они их накормили, согрели и сейчас повезут на юг, в селение, где несчастным будет предоставлено все, что возможно, для отдыха и поправки.

А Нидерманн и Норос видят лишь одно: товарищей, которые, быть может, уже умерли или близки к голодной смерти, которые ждут их возвращения и которых, казалось бы, теперь так легко спасти... Но их не понимают, не могут понять.

И Нидерманн, этот сильный, мужественный человек, всегда без содрогания глядевший смерти в глаза и перенесший столь многое... падает где-то в углу хижины и рыдает как дитя, а добрые тунгусы, полные сострадания, утешают его и клянутся, что они сделают все возможное для него и тотчас же повезут на юг.

Из экипажа „Жанетты“ только отряду Мельвиля удалось добраться сравнительно благополучно до человеческого жилья. Они тоже немало пережили и тяжело страдают от неизвестности за судьбу товарищей.

В местечке Булунь они, наконец, находят двух матросов, в исхудавших, обезумевших лицах которых и в прерывающихся голосах с трудом узнают прежних веселых друзей и любимцев—Нора и Нида. Молчаливые и горячие об'ятия, и у всех один вопрос: „А другие?“

— Скорей, скорей, на север, на помощь погибающим!

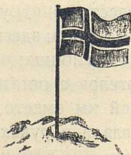
У устья реки Лены, среди печальных пустынных полей, возвышается огромный снежный сугроб. На нем, на длинном шесте, развеваются остатки корабельного флага с погибшей „Жанетты“. Под этим сугробом, на небольшом расстоянии друг от друга, лежат одиннадцать трупов; здесь же следы последнего бивуака погибших: оборванная ветром палатка, котелок с остатками полярной травы, служившей им вместо чая, лоскутья шерстяного одеяла, а в руках капитана Делонга записная книжка-дневник.

Мельвиль, Нор и Нид участвуют в экспедиции, посланной для отыскания отряда Делонга. Они с благоговением глядят в лица дорогих товарищей, они с благоговением собирают последние воспоминания об их мученической смерти, они раскрывают записную книжку и читают последние записи о невероятных страданиях погибших. Они хотели бы сказать что-нибудь друг другу, но нет слов для охвативших их чувств.

Мельвиль первый овладевает собой, и глаза его обращаются на север, туда, в сторону Ледовитого океана.

„Победим ли мы тебя?“ как-будто хочет он сказать.

Флаг Амундсена, развевающийся ныне на полюсе, является лучшим ответом на этот вопрос.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

Москва 19, Воздвиженка, 10.

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

Серия книг для внешкольного чтения учащихся
школ I ступени.

Допущено ГУС'ом. Рекомендовано Главсоцвосом.

Задача „Читальни советской школы“ — дать интересный и доступный материал для внешкольного чтения учащихся школ I ступени.

Содержание отдельных выпусков „Читальни советской школы“ построено так, чтобы они могли служить подсобными книжками при проработке программ трудовой школы.

Не повторяя своим изложением учебных книг для чтения, выпуски „Читальни советской школы“ дают самостоятельное чтение детям в возрасте от 8 до 12 лет.

Каждый выпуск составляет законченное целое. Все выпуски снабжены большим количеством рисунков, фотографий, карт и чертежей.

„Читальня советской школы“ является подписным изданием, повторяющимся из года в год. Программа выпусков строится таким образом, чтобы в конечном итоге издание могло служить основным ядром школьной библиотеки.

„Читальня советской школы“ дает ежегодно около 25 номеров книжек для младших групп и столько же номеров для старших групп школы I ступени.

Все книжки в художественных красочных обложках.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
Москва 19, Воздвиженка, 10.

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

Открыта подписка на 1928 год.

В 1928 г. выйдет 50 номеров „Читальни советской школы“.

Каждый из номеров включает около 32 страниц текста со многими рисунками, фотографиями, чертежами и картами.

Подписчикам ежемесячно будет рассылаться по 4—5 номеров.

Предположены к изданию в 1928 г. следующие книжки.

ДЛЯ МЛАДШИХ ГРУПП (8—10 лет):

о Ленине, об октябрятах и пионерах, о домашних животных, о диких зверях и птицах, о том, как быть здоровым, и пр. Всего около 25 номеров книжек большого формата, богато иллюстрированных.

ДЛЯ СТАРШИХ ГРУПП:

о жизни народов СССР (украинцы, калмыки, армяне, башкиры, белоруссы, якуты и пр.), о жизни наших соседей (китайцы, индусы, персы, поляки, литовцы, румыны, финны и пр.), о великих и грозных явлениях природы, картины из жизни русской природы, из прошлой жизни разных народов, о нашей промышленности и пр. Ряд книжек будет посвящен избранным произведениям русских и иностранных писателей (современных и классиков).

Все книжки в художественных красочных обложках.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: за 50 номеров (около 1600 стр., около 600 рисунков, фотографий, чертежей, карт) — 8 р. с пересылкой.

Допускается рассрочка: при подписке 3 р., при получении № 25 — 3 р., при получении № 40 — 2 р.

ИЗД-ВО „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

Москва 19, Воздвиженка, 10.

ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ

В 1927 году вышли следующие книжки:

ДЛЯ МЛАДШИХ ГРУПП:

- Беляков Н. Сосунок. Ц. 25 к.
Беляков Н. Скворцы. Ц. 25 к.
Беляков Н. Ярка. Ц. 30 к.
Баршева М. и Бобынина И. Про животных. Ц. 40 к.
Баршева М. Егорушка в школе. Ц. 35 к.
Рыбникова М. Ан. И у них есть дом. Ц. 35 к.
Златовратская С. У Мишки в берлоге и др. рассказы. Ц. 35 к.

ДЛЯ СТАРШИХ ГРУПП:

- Боголюбский С. Как устроено и работает тело коровы. Ц. 40 к.
Боголюбский С. Как устроено и работает тело лошади. Ц. 50 к.
Боголюбский С. Как устроено и раб. тело собаки и кошки. Ц. 45 к.
Боголюбский С. Как устроено и раб. тело овцы и козы. Ц. 45 к.
Львов В. Жизнь муравьиной общины. Ц. 50 к.
Львов В. Как живут пчелы. Ц. 40 к.
Заборский А. От каменной горы до печи. Ц. 30 к.
Заборский А. Стекло, его производство и применение. Ц. 30 к.
Заборский А. История бумажного листа. Ц. 30 к.
Венкстерн Н. Братья (Шлиссельбургские узники). Ц. 35 к.
Венкстерн Н. Узник Бастилии. Ц. 35 к.
Венкстерн Н. Царская милость. Ц. 35 к.
Трушков В. Своими силами. Ц. 35 к.
Байсутов Н. В песчаных степях (туркмены). Ц. 35 к.
Байсутов Н. Там, где растет хлопок (узбеки). Ц. 40 к.
Бергер А. В горах Восточного Закавказья (Азербайджан). Ц. 35 к.
Леонов Н. В горных долинах Алтая (ойраты). Ц. 25 к.
Леонов Н. В степных просторах (киргизы). Ц. 35 к.
Леонов Н. На рыбной реке (остяки-рыболовы). Ц. 20 к.
Леонов Н. По берегам северных морей (поморы). Ц. 25 к.
Леонов Н. Со стадами оленей (самоеды-оленьеводы). Ц. 20 к.
Леонов Н. Охотники (тунгусы и чукчи). Ц. 30 к.
Леонов Н. В лесах Заволожья. Ц. 35 к.

**Комплект книжек, вышедших в 1927 году,
высылается за 8 руб.**

Цена 35 к.
Р

443

28/
XII

100=

